

Критерии морального действия в этике Льва Толстого и Ивана Ильина

Научный руководитель – **Billier Jean-Cassien** .

Абалмасова Дарья Александровна

Студент (магистр)

Французский университетский колледж МГУ им.Ломоносова, Франкоязычное отделение,
Москва, Россия

E-mail: the_15_of_april@mail.ru

Книгу «О сопротивлении злу силой» Иван Ильин посвятил белому движению, всячески подчеркивая необходимость активного сопротивления большевикам. Позиция Толстого по вопросам насилия представляется им как исключительно пассивное стремление к личной моральности, отвержение более глубоких ценностей - патриотических и религиозных. На первый взгляд правомерная демаркация насилия и принуждения приводит автора к необходимости применения «физического понуждения» [2] (насилия - в терминах Толстого) против митингующих, в случае слабости патриотического чувства, а также применению смертной казни во благо злодея [2]. Какие критерии морального действия позволили Ильину сделать насилие не просто рекомендуемым, но в отдельных случаях возвести его в ранг долга? Как, в свою очередь, этика Толстого отвечает на главный упрек, сформулированный в том числе Львом Шестовым: что если справедливость должна охранять зло?

И Толстой, и Ильин исходят из того, что мотивом морального действия является любовь к его объекту, опосредованная любовью к Богу. Злодей, как и дьявол, такой любви недостоин, так как действие человека является проявлением целостности его бытия - созвучно гегелевской идее о том, что «субъект есть ряд его поступков» [Гегель 1990: 167]. Исходя из своих поступков люди не равны между собой. С точки зрения Ильина, существуют поступки, достойные только смерти, такие как насилие над беззащитным, преступления против государства. Подразумевается, что существует некое абсолютное зло, не поддающееся исправлению, которое можно только искоренить. Другого средства борьбы с радикальным злом, кроме насилия, не существует. Истинное зло субстанциально и не является простой человеческой слабостью. Если зло не встречает сопротивления, оно неизбежно привлекает новых адептов, так как соблазн - его главное оружие.

Моральное действие по Ильину - не только должно иметь любовь к объективно идеальному (Богу) в качестве мотива, но и быть результативным - уменьшать количество зла в мире, наставляя на истинный путь.

Для Толстого вопрос результативности морального действия, реализующего императив «не делай другим того, чего не желаешь себе», остается за гранью рассмотрения. Добро осуществляется в действии только в настоящем, человек не способен предсказать последствия своих действий в глобальных масштабах и выполнить операцию сложения и вычитания добра и зла. Поскольку коллективное действие не поддается контролю, моральный агент Толстого максимально далек от участия в коллективном действии и от политики в целом - гораздо важнее конкретные личные проявления добра, мотивированные не симпатиями, а соблюдением морального закона, позитивно сформулированного как «закон любви».

Оппоненты Толстого концентрируют свое внимание на пассивности морального субъекта в этике Толстого. И действительно, к такому выводу могут привести следующие рассуждения: «Надо не столько стараться делать добро, сколько стараться быть добрым; не столько стараться светить, сколько стараться быть чистым» [Толстой 1956: 351]. Помимо позитивной формулировки закона любви Толстой развил его негативную формулировку

в философии неделания. Яркий пример, с помощью которого Толстой объясняет «философию неделания» - труд. Многие считают, что труд является добродетелью. Однако, с точки зрения Толстого, работа банкира, цель которого - закабалить или военного не является добродетелью - они сделали бы доброе дело, если бы прекратили ей заниматься. Для Толстого действие, направленное на внешний мир, играет меньшую роль, нежели внутреннее действие по усмирению страстей. В этом смысле воздержание от злого поступка тоже является действием, поскольку требует их обуздания.

Иное понимание зла - «непонятое нами добро» [Толстой 1956: 437], отвержение радикального зла и первородного греха позволяет Толстому видеть в ненасилии реализацию морального императива. Справедливость не может состоять в воздаянии злом за зло, о каком зле речь бы ни шла, поскольку, во-первых, Божественное есть в каждом человеке, а значит, люди равны между собой и принципиально способны к самосовершенствованию; во-вторых, в качестве разумного существа, человек осознает, что страдание причиняет ему и любому другому живому существу боль. Именно способность к состраданию составляет пассивное единство людей, которое должно быть реализовано в активном единстве через исполнение закона любви.

Таким образом, и с точки зрения Толстого, и с точки зрения Ильина, моральный поступок должен быть мотивирован духовной любовью к объективно-совершенному, но разное понимание зла приводит философов к разным выводам: Ильин пытается провести апологию насилия в исключительных случаях, для Толстого же ненасилие является универсальным и самоочевидным законом.

Источники и литература

- 1) Гегель Г. В. Ф. Философия права. «Философское наследие», 1990;
- 2) Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. Даръ, 2017. 480 с.
- 3) Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви. Рипол Классик, 2004. 942 с.
- 4) Толстой Л.Н. Путь жизни. Полное собрание сочинений, т. 45. М., 1956. 598 с.